

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2026.16423

EDN: ISTFTE

Этнопоэтические аспекты прозы И. С. Шмелева в рассказах «Христова всенощная» и «Свет Разума»

И. С. Леонов^{1✉}, И. Цинтула²

¹ Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
(г. Москва, Российская Федерация)

e-mail: mamif.lis@rambler.ru✉

² Университет им. Матей Бела
(Банска Быстрица, Словацкая Республика)

e-mail: igor.rudolfovic.c@gmail.com

Аннотация. В статье на материале рассказов «Христова всенощная» и «Свет Разума» рассмотрены этнопоэтические аспекты приходской прозы Ивана Сергеевича Шмелева — писателя первой волны русской эмиграции, чье творчество тесно связано с православной картиной мира и отражает особенности духовной жизни человека и общества в контексте исторических изменений России начала XX в. Исследование сфокусировано на выявлении и анализе черт приходской прозы. Этот жанр в настоящее время рассматривается как явление современного литературного процесса, однако его генезис, безусловно, связан с мировоззренческими и художественными исканиями писателей-предшественников: Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, Б. К. Зайцева, И. С. Шмелева и других. Позднее творчество И. С. Шмелева отмечено эволюцией от критического к духовному реализму: возрастает важность богослужебных и внебогослужебных приходских мотивов, которые становятся для писателя сакральными символами утраты и возвращения России как духовного идеала. В работе проанализированы ключевые мотивы и художественные приемы (категории священного времени, образы-символы, темы покаяния и святости), которые способны передать глубину внутреннего переживания и важность православного миропонимания в контексте изменения исторической и культурной действительности. Сделан вывод, что анализ избранных рассказов Шмелева через призму этнопоэтики и аксиологии помогает выявить не только литературные и стилистические особенности произведений писателя, но и новые способы восприятия русской духовности и православных ценностей в литературе эмиграции, создавая перспективу для дальнейшего исследования жанра приходской прозы и духовной литературы в русской культуре.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, литература русской эмиграции, духовный реализм, приходская проза, православная картина мира, этнопоэтика, аксиология, сакральное пространство

Для цитирования: Леонов И. С., Цинтула И. Этнопоэтические аспекты прозы И. С. Шмелева в рассказах «Христовая всенощная» и «Свет Разума» // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 1. С. 214–229. DOI: 10.15393/j9.art.2026.16423. EDN: ISTFTE

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2026.16423

EDN: ISTFTE

Ethnopoetic Aspects of I. S. Shmelev's Prose in Short Stories "Christ's All-Night Vigil" and "The Light of Reason"

Ivan S. Leonov¹✉, Igor Cintula²

¹ *Pushkin State Russian Language Institute
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: mamif.lis@rambler.ru✉

² *Matej Bel University
(Banská Bystrica, Slovak Republic)*

e-mail: igor.rudolfovic.c@gmail.com

Abstract. Based on the short stories "Christ's All-Night Vigil" and "The Light of Reason," this article examines the ethno-poetic aspects of the "parish prose" of Ivan Sergeyevich Shmelev, a writer of the first wave of Russian emigration whose work is deeply connected to the Orthodox Christian worldview. It reflects the specifics of the spiritual life of the individual and society within the context of the historical changes in early 20th-century Russia. The study focuses on identifying and analyzing the features of parish prose. Currently regarded as a phenomenon of the contemporary literary process, the genesis of this genre is nonetheless inextricably linked to the philosophical and artistic quests of precursor writers such as F. M. Dostoevsky, N. S. Leskov, B. K. Zaitsev, and I. S. Shmelev himself. Shmelev's late work is marked by an evolution from critical to spiritual realism: the significance of liturgical and non-liturgical parish motifs increases, becoming sacred symbols of the loss and eventual return of Russia as a spiritual ideal for the writer. The article analyzes key motifs and artistic devices (categories of sacred time, symbolic imagery, themes of repentance and sanctity) that convey the depth of inner spiritual experience and the importance of Orthodox world perception amidst changing historical and cultural realities. It is concluded that an analysis of selected short stories by Shmelev through the prism of ethno-poetics and axiology helps to reveal not only the literary and stylistic specifics of the writer's works but also new ways of perceiving Russian spirituality and Orthodox values in émigré literature. This approach creates a perspective for further research into the genre of parish prose and spiritual literature within Russian culture.

Keywords: Ivan Shmelev, literature of the Russian emigration, spiritual realism, parish prose, Orthodox worldview, ethno poetics, axiology, sacred space

For citation: Leonov I. S., Cintula I. Ethnopoetic Aspects of I. S. Shmelev's Prose in Short Stories "Christ's All-Night Vigil" and "The Light of Reason". In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2026, vol. 24, no. 1, pp. –. DOI: 10.15393/j9.art.2026.16423. EDN: ISTFTE (In Russ.)

Современные филологические исследования позволяют филологам использовать новые подходы в работе с художественными текстами, благодаря чему можно по-новому взглянуть на целый ряд хорошо знакомых произведений. Это позволяет расширять не только исследовательский инструментарий, но и границы понимания художественной литературы в целом. Одной из таких новых филологических дисциплин стала *этнопоэтика*, которая находится на стыке сразу нескольких гуманитарных наук: прежде всего лингвистики, лингвокультурологии и этнолингвистики. Неудивительно, что ее истоки можно обнаружить уже в трактате Никола Буало «Искусство поэзии» (1674). Размышляя о специфике этнолингвистики как филологического подхода при литературном анализе, следует ориентироваться на позицию В. Н. Захарова, который, оценивая ее возможности на практическом уровне, пишет: «В современном узусе термин *этнопоэтика* употребляется в широком спектре значений, не отмеченном лексикографами, но передающем семантику слов, образующих термин. Этнопоэтика характеризует междисциплинарные исследования, интегрирующие этнологию, этнографию, антропологию, фольклористику, лингвистику, литературоведение» [Захаров: 9]. В плане поэзии метод этнопоэтики изучала З. П. Табакова. В статье «Этнопоэтика: предмет исследования и этнопоэтический анализ» (2014) было отмечено: «Этнопоэтический анализ стихотворений позволяет сделать вывод о том, что русскоязычные поэты, создавая яркие пейзажи, полные красоты и лиризма, используют этнопоэтизмы, этноокрашенные слова и обороты разных этносов. Взаимообогащение культур как факт социального и культурного устройства является отличительным признаком любого многонационального государства» [Табакова: 206]. Хочется отметить, что этнопоэтика, конечно же, не ограничивается только жанрами

поэзии. Особое толкование прозаических произведений можно провести как раз через оптику таких подходов, которые позволяют заглянуть «за горизонт» обычного литературоведческого анализа. В определенной степени мы сейчас говорим о феномене «затекста» сюжета произведения, который, во-первых, «присутствует в тексте неявно — как отсылка к реальным событиям или явлениям. По сути, целью текста является описание затекста в том ракурсе, в каком он видится его автору» [Белянин: 112]. Во-вторых, он может рассматриваться в сочетании с этнопоэтикой как форма авторской рефлексии по поводу определенного явления или события. Благодаря этому в координатах русской литературы можно вновь и по-другому взглянуть на некоторые явления в содержании отдельных произведений, еще недавно остававшихся на периферии научных интересов литературоведов. Этнопоэтика предоставляет современным исследователям произведений, которые можно отнести к *духовному реализму*, иной ракурс, и в целом — иные возможности литературоведческого анализа, расширяя тем самым границы нынешних знаний о духовной прозе.

Благодаря этому можно говорить о появлении в русской литературе таких специфических жанров, как *приходская проза*, которая, с одной стороны, не только сопряжена с духовными темами, относящимися к религиозной практике, но также напрямую коррелирует с жизнью прихода и церковной общины, а с другой — ее возникновение тесно связано с историческим процессом возрождения православных церковных общин в современной России. Таким образом, вопреки выводам предыдущих филологов (Х. Штейнтала, В. Гумбольдта, А. А. Потебни и т. п.), исследовавших художественную деятельность человеческого духа, подтверждается, что «текст вообще и художественный в частности как феномен культуры пока недостаточно изучен» [Болотнова: 117]. Не спорим — русская классическая литература и до этого знала аналогичного рода жанры художественного изображения религиозных тем: хож(д)ения, миссионерскую литературу и т. д. Художественное своеобразие приходской прозы принято связывать со «спецификой авторских задач, принципами отбора литературного

материала, изображения, установкой на автобиографизм и документализм» [Леонов: 178].

Очевидно, что приходская проза представляет собой единство двух уровней: вертикаль (человек — Бог) и горизонталь (человек — человек). Особая позиция определяется парадигмой *священник — прихожанин*, которая относится одновременно и к вертикальной плоскости (пастырь как посредник между человеком и Богом, реализующий свою функцию через богослужебно-обрядовый и проповеднический потенциал), и к горизонтальной (социальный и психологический уровни). При этом делается «особый акцент на священнодействиях, связанных с финальным этапом человеческой жизни, переходом личностью границ времени и вечности» [Леонов: 178].

Истоки современной приходской прозы, которая является частью наследия русской православной литературы, надо искать в тех произведениях, которые на предыдущих этапах ее развития имели соответствующие черты: ориентацию на теоцентризм и религиозную картину мира, включающую метафизические, догматические, аксиологические аспекты, неразрывно связанные с православием.

В данном контексте предлагаем обратиться к творчеству писателя первой волны русской эмиграции Ивана Сергеевича Шмелева (1873–1950). В координатах русской литературы духовного реализма XX в. оно предоставляет художественный материал, вызывающий широкий резонанс у современных читателей и пристальный интерес отечественных и зарубежных литературоведов. Именно с русским православием связано литературное наследие Шмелева в пореволюционные годы, что отмечено современными исследователями его творчества. Так, например, Л. А. Лысенко и О. М. Култышева определяют Шмелева как писателя, тяготевшего «к изображению исконно русского, православного уклада жизни» [Лысенко, Култышева: 15], а Е. Ю. Шестакова указывает на тот факт, что «в пейзажных картинах и природной образно-мотивной структуре, представленной в [его] произведениях, соединяются реалистический и символично-идеалистический планы» [Шестакова: 50].

Сам писатель вспоминает начало своего творческого пути как естественный процесс, происходивший в непринужденной обстановке и с самого начала включавший в себя те или иные религиозные аспекты:

«Расцвел я пышно на сочинениях. С пятого класса я до того развился, что к описанию храма Христа Спасителя как-то приплел... Надсона! Помнится, я хотел выразить чувство душевного подъема, которое охватывает тебя, когда стоишь под глубокими сводами, где парит Саваоф, "как в небе"...»¹.

Если рассматривать творчество писателя через призму этнопоэтики, можно определить некоторые ценностные особенности его произведений в жанре приходской прозы, где сюжет строится на описании приходской среды и поднимаются темы, связанные с православной верой и духовностью. Эта направленность его творчества стала особенно заметной в период эмиграции, когда на смену критическому реализму пришел реализм духовный. Яркими примерами подобного являются два рассказа: «Христова всенощная» (1927–1928) и «Свет Разума: новые рассказы о России» (1928).

Лейтмотив рассказа «Христова всенощная» — «путешествие» на всенощную, торжественное православное богослужение. Шмелев использует здесь характерную для его стиля повествовательную технику: сказ. Небольшое по объему произведение об одном случае из жизни главного героя и одновременно рассказчика начинается *in medias res*² и на протяжении всего сюжета передается триада ощущений, заключающихся в духовно-душевно-ностальгическом воздействии на читателя. Эта идея хорошо прослеживается на личном опыте самого Шмелева, понимавшего, что опыт русской эмиграции «осознается духовным блужданием, потерей настоящих ценностных ориентиров» [Шестакова: 50], и поэтому за пределами России приход в храм на всенощную ощущается как важное событие. Поддерживает это и хронотоп произведения, который здесь

¹ Шмелев И. С. Воспоминания. М.: Синописъ: Николин день, 2021. С. 17.

² *лат.* в середине дела — художественный прием, когда действие начинается с центрального эпизода фабулы (его завязки или даже одной из перипетий), без экспозиции или предыстории.

не просто «фон» происходящего, а активный носитель смысла. Ограниченное пространство (дорога и приход на богослужение) и время формируют хронотоп зарубежья и образ живущих здесь людей, с их мировоззрением и особенностями поведения. Анализируя храмово-литургические сюжеты и символы в творчестве писателя в целом, Г. В. Мосалева рассуждает о том, что «Шмелев смог воссоздать в художественном слове Россию утраченного величия и красоты. Образ России у Шмелева стал образом литургического воспоминания, что обусловило и сам характер поэтики писателя — храмово-литургической по преимуществу» [Мосалева: 94]. В дополнение хочется отметить, что в этом и заключается одна из ключевых особенностей поэтики Шмелева, — его стремление не просто *описать* Россию прошлого, но *одухотворить* ее, представить как священное воспоминание. Образ «литургического воспоминания» здесь особенно важен: это не просто ностальгия, а своего рода молитвенное, священнодействующее переживание прошлого, сродни православной литургии, в которой настоящее соединяется с вечным.

Показательно, что Шмелев создает художественный мир как сакральное пространство памяти, где Россия — не только историческая реальность, но и духовный идеал, навсегда запечатленный в «словах» произведения как аксиологическое наследие русских людей. Форма повествования в виде сказа создает аутентичную атмосферу, как будто службу описывает сам писатель (или любой другой русский эмигрант) в своих воспоминаниях:

«Я люблю всенощную: она завершает день и утишает страсти. Придешь в церковь, станешь в полутемный уголок, — и тихие песнопения, в которых и грусть, и примирение, и усталость от дня сего, начинают баюкать душу. И чувствуешь, что за этой беспокойной, мелкой и подчас горькой жизнью творится иная, светлая, — Божья жизнь»³.

³ Шмелев И. С. Собр. соч.: в 5 т. М.: Русская книга, 1999. Т. 7 (доп.): Это было: Рассказы. Публицистика. С. 240 [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/shmelev_sochineniya_tom7_1999_text.pdf (30.11.2025). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Шмелев, 1999* и указанием страницы в круглых скобках.

Используемые в приведенном отрывке образность и художественные приемы, такие как контраст (*неспокойная, мелкая, горькая жизнь* противопоставляется *иной, светлой — Божьей жизни*), анафора (повтор «и... и... и...» в описании песнопений усиливает ощущение ритма и постепенного успокоения), метафора («песнопения... начинают баюкать душу» — душа уподобляется ребенку, нуждающемуся в утешении), эпитеты (*полутемный уголок, тихие песнопения, светлая, Божья жизнь*; создают интимную, почти медитативную атмосферу), лишь усиливают аспекты жанра приходской прозы в рамках произведения, когда место совершения всенощной становится словно порогом от житейского к духовному, поскольку в нем «каждое слово — Свет. Не знамение ли это? дивное это Слово Иоанна, на новый день? на сей день?! Да, это, истинно, знамение, Евангелие на сей день, глава 21, от Иоанна. Это — Христос пришел» (Шмелев, 1999: 244). Иными словами, всенощная воспринимается как обряд очищения (мир «земной»), во время которого человек приходит к смирению, примирению и надежде (мир «Божий»). При этом можно отметить, что весь хронотоп произведения направлен на поиски смысла и опоры в вере, когда главный герой, уставший от повседневности, находит в религии высшую правду, успокоение, ощущение того, что жизнь не только суета, но и причастность к вечному, ибо «всенощная идет, возносит сердце» (Шмелев, 1999: 243).

Приход на всенощную словно формирует у рассказчика особый духовный настрой, когда молитва и песнопения производят в нем глубокое внутреннее переживание:

«Я был у Христовой всенощной. Было чудо, ибо коснулся души Господь. Явился в звуках молитв чудесных, животворящих душу» (Шмелев, 1999: 245).

Важно отметить, что автор осознает невозможность полностью выразить этот опыт: он уходит в сферу личного переживания, которое можно лишь почувствовать, но нельзя точно передать. Слова молитвы («Бла-го-сло-ви, ду-ше моя. / Го-о-о-о... споди... <...> Свете тихий / Святые Сла-а-а-вы, / Бессмертного... <...> Хвалите Имя Господне, / Хвалите, раби Го-спода...» (Шмелев, 1999: 243)) становятся в интенции Шмелева не просто словами,

а воплощением Божественного присутствия, способным изменить состояние человека, «оживотворить» душу его. Таким образом передается читателю момент глубокого внутреннего пробуждения, когда возникает ощущение Божественного присутствия, способного в духовном смысле перенести его «к образу Николы, к России» (Шмелев, 1999: 242–243).

Интересно отметить, что на протяжении всей сюжетной линии Шмелев довольно своеобразно воскрешает и развивает один из основных жанров древнерусской литературы — жанр *хож(д)ений* (на поклонение святыням), тем самым грамотно и незаметно для читателя подчеркивая идею «вечной России» и ее ценности, исходящей из «древних» православных традиций. Этот мотив можно наблюдать в поздних произведениях писателя, таких как повесть «Богомолье» (1931), ставших ключевыми творениями автора периода эмиграции.

Художественное отражение любви к России, Богу и людям, как и интерес к святым местам и духовной жизни вошли в сюжетную линию рассказа «Свет Разума» (1926). Действие разворачивается в Крыму после революционных событий 1917 г., когда православие — традиционный, исторически данный и веками неизменный атрибут жизни жителей российского государства — оказывается под прессом текущих революционных тенденций, преподносящих идеологию как нечто прогрессивное, более ценное и лучшее. Через четыре года после своего отъезда из России (1922) Шмелев описывает наблюдаемый им конфликт веры и идеологии, в центре которого оказывается человек, воспитанный в традициях русского православия: в силу изменившейся социальной ситуации он вынужден искать свое место в атеистически формирующемся послереволюционном обществе. Такой момент почти документально запечатлен в судьбе одного из героев рассказа — интеллигента и учителя Ивана Ивановича. Пытаясь выжить и вернуть себе в новом обществе прежнее высокое социальное положение, он заявляет в листовке:

«Я, учитель Иван Иванович Малов, отвергаю Церковь и Крещение и принимаю новое, огнем и духом, сегодня, в 12 часов дня, на море, всенародно, со своей семьей»⁴.

Этот отрывок ярко отражает экзистенциальную проблему в жизни человека после Октябрьской революции 1917 г., когда сохранение верности прежним традициям и, прежде всего, православной вере, включая приход в храм, было сопряжено с риском, в том числе — физической ликвидации. Н. С. Болотнова совершенно справедливо отмечает, что «так или иначе текст погружен в культурное пространство эпохи, культурологический тезаурус адресата, отражает особенности авторской личности, его знания, лексикон, образ мира, конкретные цели и мотивы» [Болотнова: 115]. Благодаря этому можно идентифицировать истоки аксиологической базы шмелевских рассказов, хорошо прослеживаемые и у современных создателей приходской прозы: священников А. Лисняка, Я. Шипова, А. Шантаева и др.

Сравнительно-сопоставительный анализ произведений «Свет Разума» и «Христова всенощная» позволяет внимательно рассмотреть возможные вариации элементов приходской прозы. В обоих рассказах затронуты важнейшие духовные вопросы, но подходы и средства их выражения у отдельных героев различаются.

В «Свете Разума» персонажи представляют собой людей с широким спектром внутренних конфликтов — при этом каждый олицетворяет разные стороны человеческого опыта. Главный персонаж — человек, стремящийся понять смысл жизни через сочетание веры и разума. Однако он приходит к пугающему осознанию:

«...не знаю, куда деваться, души не стало» (Шмелев, 1998: 76).

Шмелев в этом рассказе акцентирует внимание на внутреннем мире своих героев, их метаниях и духовных поисках на фоне

⁴ Шмелев И. С. Собр. соч.: в 5 т. М.: Русская книга, 1998. Т. 2: Въезд в Париж: Рассказы. Воспоминания. Публицистика. С. 84 [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/shmelev_sochineniya_tom2_1998_text.pdf (30.11.2025). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Шмелев, 1998* и указанием страницы в круглых скобках.

общественных перемен после Октябрьской революции 1917 г. Персонажи часто становятся носителями философских идей и размышлений, когда «Высший Разум — Господь в сердцах человеческих. И не в едином, а купно со всеми. Это и это [голова и сердце] <...> но в согласовании неисповедимом. Как у Христа» (Шмелев, 1998: 85–86). Следует оговориться, что их характеры определены не всегда внешним поведением, но скорее внутренними переживаниями, духовными исканиями и моральными сомнениями. Слова главного героя «не знаю, куда деваться, души не стало», приведенные выше, или «и тревога во мне, и радость, покою нет» (Шмелев, 1998: 76, 88) являются в сюжете универсальными выражениями, свидетельствующими о покаянии и страдании. В приходской прозе они часто связаны с мотивом прихода в храм.

В рассказе «Свет Разума» в полной мере проявляется одна из важных особенностей приходской прозы, которая заключается в авторской направленности внимания в соответствии с моделью «из храма — в мир», когда в начале повествования главный герой отправляется в удаленный от светской жизни храм, то есть в само здание, образующее сакральное пространство, в котором осуществляется связь между миром повседневным (профанным) и высшим, духовным (сакральным). Он представляет в сюжете рассказа не просто здание, а символическую модель мироздания, место соединения человека с Богом (Рождество, Крещение), а также центр духовной и культурной жизни. Однако по замыслу Шмелева перед читателем постепенно образуется модель «храм вне храма», когда важные религиозные праздники, такие как Крещение, проводятся вне храма (в традиционном понимании). Создается образ храма внутри героя: «Шмелев в философских тонкостях не разбирался. Но знал, что в основе философии русского возрождения должна быть идея Бога, что без Бога невозможно творить философию русского бытия, невозможно дать поколению новые идеалы» [Солнцева: 196]. В результате удалось создать произведение, в котором хронотоп довольно абстрактен, и сами время и место не являются ключевыми элементами повествования. Внимание фокусируется на «психологическом» времени, то есть внутреннем переживании героев, их

размышлениях о жизни и смерти, смысле существования и вере. Пространство предстает перед читателем в определенной степени «размытым», так как Шмелев ориентируется на философские и метафизические аспекты жизни, не ограниченные ни определенным местом, ни временным контекстом.

Иной подход художественного воплощения приходской прозы показан в «Христовой всенощной». В этом произведении время и пространство становятся значительно более осязаемыми и конкретными — в том числе прослеживается четкая привязка к определенному моменту (всенощное бдение, ночь перед праздником) и месту действия (общежитие, где осуществляется церковный обряд). Шмелев строит текст таким образом, чтобы показать сакральность происходящего момента: всенощная как время особого духовного очищения, когда через молитву и хоровое пение происходит соединение человека с Создателем, и одновременно как время молитвы, покаяния и ожидания. Именно поэтому категория времени в данном случае не что-то абстрактное, а связана с циклом церковных праздников, где каждый момент имеет свое место в хронологической последовательности.

Используемая в «Свете Разума» модель «из храма — в мир» здесь излагается в обратном порядке: главный герой приходит из окружающего мира в место, представляющее собой метафорический храм, сакральное значение которого выходит за пределы просто физического помещения. Вся история прихода в «храм» происходит на фоне важного церковного контекста, сакральных времени и пространства. Символический «выход» за его пределы обозначается словами главного героя:

«Всенощная идет, идет. Стою в уголку, зажмурясь. Идет всенощная. Россия, в Москве, в соборе... в Новгороде... Киев... Владимир... Суздаль...» (Шмелев, 1999: 243).

Важный аспект произведения, о котором стоит упомянуть, — это грамотное использование литературно-художественной техники сказа, с помощью которой Шмелев моделирует атмосферу живой простонародной речи. Множество высказываний главного героя («Всенощная идет... От Иоанна... Святого Евангелия... Чтение» (Шмелев, 1999: 243)) мог себе

представить любой православный верующий, которому хорошо знаком богослужебный устав.

Можно выделить три специфические черты персонажей «Христовой всенощной». Во-первых, они олицетворяют собой не только духовную практику, но и морально-этическую сторону православного учения. Во-вторых, представлены более однозначные и конкретные образы верующих, погруженных в аксиологическую традицию русского православия, с акцентированным стремлением к чистоте веры и духовной практике. В-третьих, герои символизируют универсальные и понятные русскому человеку аксиологические архетипы: верующий, священнослужитель, мирянин. Приход на всенощную становится для читателя моделью человеческой души, воспринятой через призму духовного опыта, веры и поисков смысла жизни, что передается через атмосферу православного богослужения, с которой связаны важнейшие внутренние переживания человека, устремленного к Богу. Богослужение становится для Шмелевского героя чем-то большим:

«Это уже не пение: это сладкий, благоговейный шепот, молитвенная беседа с Господом. Он — здесь, в этой комнате при до-роге, — Храме: песнопение претворилось в Слово, в Бога Слово» (Шмелев, 1999: 244).

Очевидно, что рассмотрение специфики приходской прозы Ивана Сергеевича Шмелева через призму *этнопоэтики* и *аксиологии* позволяет по-другому взглянуть на форму раскрытия душевных переживаний персонажей, их духовных исканий и обретения смысла в православной вере. В координатах духовного реализма особенно заметно, что Шмелев уделяет внимание внутреннему диалогу своих героев с Богом, а также их поиску света, истины и любви в контексте православной традиции. Таким образом, суть приходской прозы писателя можно интерпретировать как попытку изображения *пути* к духовному просветлению, где внешняя тишина и молитвенная практика становятся важным инструментом для глубинного переживания связи с Богом и познания высших истин. При этом помимо религиозной составляющей в приходской прозе Шмелева присутствуют и универсальные человеческие ценности, такие как искренность, покаяние и стремление

к вечности, открывая читателю путь к осознанию художественного слова (*belleslettres*) на уровне, освещающем не только внешнюю реальность, но и внутренний мир человека, его душу.

Список литературы

1. Белянин В. П. Психолингвистика. М.: Флинта, Моск. психол.-соц. ин-т, 2003. 225 с.
2. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. 7-е изд. М.: Флинта, 2023. 520 с.
3. Захаров В. Н. Идея этнопоэтики в современных исследованиях // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 7–19 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593805089.pdf (30.11.2025). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8382. EDN: IFROFH
4. Леонов И. С. «Наследники» И. С. Шмелёва: духовная традиция в русской литературе XXI века. СПб.: РХГА, 2024. 184 с.
5. Лысенко Л. А., Култышева О. М. Образ православной России в автобиографических произведениях И. С. Шмелева «Лето Господне» и Б. К. Зайцева «Путешествие Глеба». Нижневартовск: НВГУ, 2019. 193 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41262760_72123238.pdf (30.11.2025). EDN: EPOYGJ
6. Мосалева Г. В. Храмово-литургические сюжеты и символы в творчестве И. С. Шмелева // Art Logos. 2017. № 1 (1). С. 94–106 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30101578_86119820.pdf (30.11.2025). EDN: WUVWQZ
7. Солнцева Н. М. Иван Шмелёв. Жизнь и творчество: жизнеописание. М.: Эллис Лак, 2007. 512 с. EDN: QTBKXF
8. Табакова З. П. Этнопоэтика: предмет исследования и этнопоэтический анализ // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). С. 198–206 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22011442_47188393.pdf (30.11.2025). EDN: SNRPBF
9. Шестакова Е. Ю. Особенности хронотопической структуры пейзажных описаний в эмигрантских рассказах о детстве И. С. Шмелева // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 2 (45). С. 45–51 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_48999721_19129311.pdf (30.11.2025). DOI: 10.36622/AQMPJ.2022.51.90.006. EDN: SCQHZI

References

1. Belyanin V. P. *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow, Flinta Publ., Moscow Psychological and Social Institute Publ., 2003. 225 p. (In Russ.)
2. Bolotnova N. S. *Filologicheskii analiz teksta* [Philological Analysis of the Text]. 7th ed. Moscow, Flinta Publ., 2023. 520 p. (In Russ.)

3. Zakharov V. N. The Idea of Ethnopoetics in Contemporary Research. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 18, no. 3, pp. 7–19. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593805089.pdf (accessed on November 30, 2025). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8382. EDN: IFROFH (In Russ.)
4. Leonov I. S. “Nasledniki” I. S. Shmelyova: *dukhovnaya traditsiya v russkoy literature XXI veka* [“The Heirs” by I. S. Shmelev: Spiritual Tradition in Russian Literature of the 21st Century]. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2024. 184 p. (In Russ.)
5. Lysenko L. A., Kultysheva O. M. *Obraz pravoslavnoy Rossii v avtobiograficheskikh proizvedeniyakh I. S. Shmeleva “Leto Gospodne” i B. K. Zaytseva “Puteshestvie Gleba”* [The Image of Orthodox Russia in the Autobiographical Works of I. S. Shmelev “The Lord’s Summer” and B. K. Zaitsev “Gleb’s Journey”]. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk State University Publ., 2019. 193 p. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41262760_72123238.pdf (accessed on November 30, 2025). EDN: EPOYGI (In Russ.)
6. Mosaleva G. V. Temple and Liturgy Focused Storylines and Symbols in Works of I. S. Shmelev. In: *Art Logos*, 2017, no. 1 (1), pp. 94–106. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30101578_86119820.pdf (accessed on November 30, 2025). EDN: WUVWQZ (In Russ.)
7. Solntseva N. M. *Ivan Shmelyov. Zhizn’ i tvorchestvo: zhizneopisanie* [Ivan Shmelev. Life and Work: Biography]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2007. 512 p. EDN: QTBKXF (In Russ.)
8. Tabakova Z. P. Ethnopoetics: the Subject and the Ethnopoetic Analysis. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2014, no. 7 (336), pp. 198–206. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22011442_47188393.pdf (accessed on November 30, 2025). EDN: SNRPBF (In Russ.)
9. Shestakova E. Yu. Features of the Chronotopic Structure of Landscape Descriptions in Emigrant Stories About the Childhood of I. S. Shmelev. In: *Aktual’nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki* [Actual Issues of Modern Philology and Journalism], 2022, no. 2 (45), pp. 45–51. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_48999721_19129311.pdf (accessed on November 30, 2025). DOI: 10.36622/AQMPJ.2022.51.90.006. EDN: SCQHZI (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Леонов Иван Сергеевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой литературы филологического факультета, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (ул. Академика Волгина, 6, г. Москва, Российская Федерация, 117485); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7435-3963>; e-mail: mamif.lis@rambler.ru.

Ivan S. Leonov, PhD (Philology), Professor, Head of the Department of World Literature of the Faculty of Philology, Pushkin State Russian Language Institute (ul. Akademika Volgina 6, Moscow, 117485, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7435-3963>; e-mail: mamif.lis@rambler.ru.

Цинтула Игорь, доктор философских наук, старший преподаватель кафедры славянских языков филологического факультета, Университет им. Матей Бела (Тайовского, 40, Банска Быстрица, Словацкая Республика, 974 01); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6740-9669>; e-mail: igor.rudolfovich@gmail.com.

Igor Cintula, PhD (Philosophy), Senior Lecturer at the Department of Slavic Languages of the Faculty of Philosophy, Matej Bel University (Tajovského 40, Banská Bystrica, 974 01, Slovak Republic); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6740-9669>; e-mail: igor.rudolfovich@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 16.12.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 19.01.2026

Принята к публикации / Accepted 19.01.2026

Дата публикации / Date of publication 02.02.2026